

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕГО И ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Г. В. Карпук

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В РОЛИ ОТВЕТНЫХ РЕПЛИК

В статье рассматриваются коммуникативно-прагматические характеристики вопросительных конструкций, выступающих в роли ответных реплик. Автором затрагиваются вопросы их манипулятивного потенциала, способности выступать средством психологической защиты. Анализируются прямой и косвенный способы реализации ответных вопросительных конструкций. Исследуются факторы, обуславливающие употребление адресатом данных конструкций.

Правила речевого этикета подразумевают, что на вопрос принято отвечать. Но нетактичный вопрос адресанта может выступать средством выражения агрессии или попыткой повысить свой статус за счет понижения статуса другого человека в ситуации общения. В ряде ситуаций, в которых адресантом задаются вопросы, нежелательные для адресата в том или ином отношении, ответ адресата представлен вопросительной конструкцией. Для подобного ответа может быть характерно нарушение тех или иных правил принципа вежливости Дж. Лича, максим принципа кооперации П. Грайса и т.д. Данный ответ может иметь манипулятивный характер: ответ вопросом позволяет ответить на вопрос формально, т.е. представляет собой уход от ответа по существу. Ответ вопросом может выступать средством психологической защиты, и в этом случае с нравственной точки зрения он вполне оправдан. Более того, данный ответ вопросом может быть проявлением разума и мудрости: не на любой вопрос следует отвечать содержательно, поскольку говорящий может себя скомпрометировать, понизить свой статус в ситуации общения.

Настоящая статья посвящена выявлению коммуникативно-прагматических особенностей функционирования вопросительных конструкций в роли ответных реплик в межличностной коммуникации. Материалом для исследования послужили русскоязычные коммуникативные контексты, взятые из художественной литературы и художественных фильмов. В данных контекстах инициатор / адресант – автор иницирующей вопросительной конструкции, адресат – автор ответной вопросительной конструкции.

В случае, когда ответные вопросительные конструкции выражены прямыми речевыми актами (РА), они осуществляют коммуникативную функцию запроса информации. Прямые ответные конструкции могут быть обусловлены рядом факторов: незнание адресатом ответа на вопрос инициатора и желание узнать его, непонимание иницирующего вопроса или

симуляция данного непонимания, согласие с инициатором, стремление к ситуативному лидерству, установка на контакт, нетактичность иницирующего вопроса, физиологические особенности адресата и т.д.

Один из случаев употребления прямой ответной конструкции – незнание ответа на иницирующий вопрос и желание его узнать. В следующем контексте ответ *Когда?* свидетельствует о подобном незнании. Функцию проспективного обеспечения условий успешности для функционирования репрезентатива (*Как папа приказал у тебя прощения просить, тогда как ты за своего папу заступилась, Неточка...*) реализует иницирующий вопрос (*Знаешь, с которых пор?*). Последний является прямым РА в отличие от случаев, в которых подобные вопросительные конструкции (*Знаешь, что я тебе скажу?* и т.д.) являются «чистыми» сигналами речевого контакта» и используются для контроля внимания [1, с. 21]:

(1) – *Неточка!* – *прошептала Катя сквозь слезы, – ангел ты мой, я ведь тебя так давно, так давно уж люблю. Знаешь, с которых пор?*

– *Когда?*

– *Как папа приказал у тебя прощения просить, тогда как ты за своего папу заступилась, Неточка...* (Ф. М. Достоевский «Неточка Незванова»).

Ответный вопрос может быть обусловлен непониманием адресатом того, почему инициатор задает вопрос. В контексте (2) ответ вопросом *А почему ты спрашиваешь?* связан с тем, что адресат, испытывающий нужду в деньгах, не понимает интереса инициатора к своей проблеме (ответная и иницирующая конструкции представлены прямыми РА). Данный ответ вопросом может рассматриваться в качестве ретроспективной реакции адресата на условия успешности вопроса *А сколько тебе надо денег?* и свидетельствует о неподготовленности последнего:

(2) – *А сколько тебе надо денег?* – *спросил Костя.*

– *Много.*

– *Что такое «много»?*

– *А почему ты спрашиваешь?*

– *У меня спонсор есть. Он может дать* (В. С. Токарева «Стрелец»).

Ответ вопросом может быть способом симулировать непонимание иницирующего вопроса и может служить формой психологической защиты. в контексте (3) в ответных вопросах, которые постулируются как прямые РА, симуляция адресатом непонимания иницирующего вопроса (нарушение одного из условий успешности РА – условия искренности) усиливается повтором вопросительного слова *кого*. Симуляция подтверждается фонационными (*Голос графини был тих и дрожал*) и мимическими (*Глаза бегали, точно пойманные мыши*) средствами в авторской ремарке, указывающей на чувство стыда (*Ей было ужасно стыдно*). Бегающий взгляд, вероятно, обусловлен тем, что адресат «испытывает тревогу в ходе ложного заявления и с трудом держит взгляд партнера по общению и отводит глаза в сторону» [2, с. 15]. С целью предупредить уход адресата от ответа инициатор предваряет свой вопрос обвинением во лжи (имевшей место и в прошлом):

(3) – *Полноте! К чему лгать? В былые годы вы умели лгать, не ради таких мелочей! За что вы его ударили?*

– *Кого? Про кого вы говорите?*

Голос графини был тих и дрожал. Глаза бегали, точно пойманные мыши. Ей было ужасно стыдно (А. П. Чехов «Ненужная победа»).

Ответ вопросом может быть вызван стремлением адресата к ситуативному лидерству. Одним из его проявлений выступает желание не говорить первым о чем-либо. В контексте (4), иллюстрирующем данное желание, наблюдается субординация – сначала представляется лесник, затем – барин (занимает более высокое социальное положение):

(4) – *Кто это?* – *спросил звучный голос.*

– *А ты кто сам?*

– *Я здешний лесник.*

Я назвал себя (И. С. Тургенев «Бирюк»).

В контексте (5) ответ вопросом обусловлен согласием адресата с иллокутивным значением утверждения, свойственного вопросу инициатора (вопрос также передает сочувствие, маркированное обращением *брат*):

(5) – *Что, брат, тебя сегодня наказали?* – *спросил я его.*

– *А вы почему знаете?* – *отвечал Вася.*

– *Мне твой барин сказывал* (И. С. Тургенев «Два помещика»).

Ответная реплика может быть связана с установкой адресата на контакт. В следующем контексте содержится иллокутивно вынужденный, выраженный прямым РА, ответный вопрос *Что делает папа?*. Его контактоустанавливающая направленность подтверждается словами *спросила я, обрадовавшись, что есть фраза, с которой можно начинать разговор каждый раз*. Ответный вопрос вызван иницирующим вопросом *Что ж ты молчишь?*, который можно рассматривать в качестве косвенной просьбы (*Не молчи*):

(6) – *Что ж ты молчишь?* – *начала Катя после некоторого молчания.*

– *Что делает папа?* – *спросила я, обрадовавшись, что есть фраза, с которой можно начинать разговор каждый раз.*

– *Ничего. Папе хорошо* <...> (Ф. М. Достоевский «Неточка Незванова»).

Ответ вопросом может быть вызван нетактичностью иницирующего вопроса и позволяет манипулятивно уйти от содержательного ответа на вопрос. В контексте (7) манипулятивным потенциалом обладают ответные вопросы *Отчего же Вы не ушли домой со всеми остальными сотрудниками? Откуда такое рвение?* Несмотря на ироничность второго из ответных вопросов последние сглаживают прямолинейность иницирующего вопроса:

(7) – *Только почему же Вы меня считаете таким уж плохим работником?*

– *Отчего же Вы не ушли домой со всеми остальными сотрудниками? Откуда такое рвение?* (Художественный фильм «Служебный роман»).

Ответ вопросом может быть обусловлен физиологическими особенностями адресата, в частности нарушением слуха (вследствие возрастных изменений, длительной работы в шумных условиях и т.д.):

(8) *Я с трудом понимал старика.* <...>

– *Да ты откуда?* – спросил я его.

– *Чего?*

– *Откуда ты?*

– *Из Ананьева.*

– *Что ж ты тут делаешь?*

– *Чего?*

– *Что ты делаешь тут?* (И. С. Тургенев «Контора»).

Что касается косвенного выражения ответных вопросительных конструкций, средством данного выражения могут выступать косвенные РА (в понимании Дж. Р. Серля [3, с. 196]). Косвенные ответные реплики могут быть обусловлены знанием или незнанием ответа на вопрос инициатора, установкой адресата на контакт, нетактичностью или избыточностью иницирующего вопроса, несогласием с инициатором, неверием по отношению к нему, общностью опыта инициатора и адресата и т.д. Характерной чертой косвенных ответных конструкций является то, что реализация факторов имеет тенденцию сопровождаться вербальным и/или невербальным выражением эмоциональной реакции адресата (удивление, раздражение, возмущение, недовольство и т.д.).

Ответный вопрос, в том числе эмоционально окрашенный, может быть вызван нетактичностью иницирующего вопроса. В контексте (9) инклюзивное *мы*, «используемое при обращении и включающее ровно двух лиц – адресата и самого говорящего – маркирует более высокий статус говорящего в текущей ситуации» [4, с. 35]. Посредством *мы* инициатор включает себя в личную сферу адресата с целью выражения критики [4, с. 36], что подтверждается последующим вопросом (*Чего вы ко мне прицепились?*), содержащим негативно окрашенный разговорный глагол *прицепились*. В экспрессивной ответной конструкции частично повторяющийся вопрос выступает в сочетании с угрозой. Посредством повтора лексической единицы *Чего?* выражается негодование адресата и осуществляется передразнивание инициатора. Через конструкцию *А тоге, что вы... что если вы сейчас же не замолчите...* передается угроза. Об эмоциональном состоянии адресата также свидетельствуют фонационное средство (*визгливо*), кинесический компонент (*закрыв лицо ладонями*), физиологическая реакция (*разразился громкими рыданиями*):

(9) – *Мы, верно, молодой человек, нездоровы? Чего вы ко мне прицепились?*

– *Чего?* – закричал визгливо Козловский. – *Чего?.. А тоге, что вы... что если вы сейчас же не замолчите...*

Его уже тянули назад за руки встревоженные неожиданной ссорой офицеры, и он, вдруг закрыв лицо ладонями, разразился громкими рыданиями <...> (А. И. Куприн «Куст сирени»).

В приводимом ниже контексте нетактичным выступает вопрос о бедности родителей адресата: они, как правило, являются самыми близкими людьми, оскорбив родителей, легко уязвить их детей, более того, в следующем контексте (10): инициатор – представитель богатого сословия, адресат – бедного. Ответ адресата представлен вопросами, эмоционально-экспрессивный потенциал которых создается повтором (*Зачем (же) вы (так про них) спрашиваете?*), присутствующей в повторе градацией и обращением (*Катя*). Эмоциональное состояние адресата также передается физиологической реакцией (*заплакав от душевной боли*), несколько ранее в контексте – физиологическими реакциями (*вся задрожав, покраснев от негодования*) и кинесическим компонентом (*подымаясь с места*):

(10) – *Зачем же вы меня спрашиваете?* – сказала я, вся задрожав от какого-то нового, неведомого для меня ощущения и подымаясь с места. – *Зачем же вы меня спрашиваете?* – продолжала я, покраснев от негодования. – *Зачем вы надо мной смеетесь?*

Княжна вспыхнула и тоже встала с места, но мигом преодолела свое волнение.

– *Нет... я не смеюсь*, – отвечала она. – ***Я только хотела знать, правда ли, что папа и мама у вас были бедны?***

– ***Зачем вы спрашиваете меня про папу и маму?*** – сказала я, заплакав от душевной боли. – ***Зачем вы так про них спрашиваете? Что они вам сделали, Катя?*** (Ф. М. Достоевский «Неточка Незванова»).

В контексте (11) ответ вопросом (косвенный репрезентатив) передает неверие словам инициатора (*Яшка петь будет?* = *Не могу поверить в то, что Яшка будет петь*), сопровождаемое фонационным средством (*с живостью проговорил*) и подтверждаемое вопросом (*И ты не врешь, Обалдуй?*):

(11) – <...> *Яшка-то с рядчиком об заклад побились: осьмуху пива поставили – кто кого одолеет, лучше споет то есть... понимаешь?*

– ***Яшка петь будет?*** – с живостью проговорил человек, прозванный Моргачом. – *И ты не врешь, Обалдуй?*

– *Я не вру*, – с достоинством отвечал Обалдуй <...> (И. С. Тургенев «Певцы»).

Ответ вопросом может демонстрировать установку адресата на контакт, в том числе как его коммуникативную привычку (контексты (12) и (13)). В контексте (12) переспрос, выступающий в роли метакоммуникатива и осуществляющий контроль понимания (*Как меня зовут-то?*), произнесен в состоянии задумчивости (*Мужик потутился и словно задумался*). За переспросом следует подтверждение и повтор иницирующего вопроса:

(12) – ***Как тебя зовут?*** – спросил я. *Мужик потутился и словно задумался.*

– ***Как меня зовут-то?***

– ***Да; как твое имя?***

– *А имя мне будет – Филофей* (И. С. Тургенев «Стучит»).

(13) – *Ну вот что, братец Филофей; <...> свежи ты меня в Тулу. Теперь ночь лунная, светло и ехать прохладно. Дорога у вас тут какова?*

– *Дорога? Дорога – ничего* (И. С. Тургенев «Стучит»).

Косвенные ответные РА могут входить в ответную реплику, представленную вопросительной и утвердительной конструкциями. Так, в контексте (13) ответная реплика включает переспрос и утверждение (собственно ответ на инициирующий вопрос).

Ответная реплика может быть вызвана избыточностью инициирующего вопроса в понимании адресата: *А тебе не все равно?* = *Ну, тебе же все равно, излишне спрашивать* (контекст (14)). В анализируемом контексте также наблюдается конфликтогенность, выраженная через фамильярное отношение к инициатору (*все равно*, обращение на «ты»). Нетактичный ответ адресата, тем не менее, вызывает контактоориентированный ответ инициатора (*Трудно работать с хищниками?*), сопровождаемый фонационным компонентом *заискивающе спросил* и объясняемый истинной целью говорящего – не получить информацию, а задержать сторожа из-за боязни остаться одному:

(14) – *А вы что написали?*

– *А тебе не все равно?*

Никитину было далеко не безразлично, что о нем пишут, но он не решился пререкаться со сторожем.

– *Трудно работать с хищниками? – заискивающе спросил Никитин, чтобы задержать сторожа вопросом. Он боялся оставаться один* (В. С. Токарева «Гималайский медведь»).

Ответ вопросом может выражать несогласие с инициатором, сопровождаемое чувством уверенности со стороны адресата. В контексте (15) вопросительная часть ответной реплики представлена косвенными репрезентативами: *А что это я вдруг должна заболеть?* = (*К Вашему сведению,*) *я не заболела*; *У меня что, нездоровый вид?* = (*К Вашему сведению,*) *я здорова*. Повествовательная часть (*Прекрасно провела вчерашний вечер*) является ответом на первый вопрос инициатора:

(15) – *Вы как провели вчерашний вечер? Не заболели? Нет?*

– *А что это я вдруг должна заболеть? У меня что, нездоровый вид? Прекрасно провела вчерашний вечер* (Художественный фильм «Служебный роман»).

Ответ вопросом может свидетельствовать о незнании ответа на инициирующий вопрос. В нижеприведенном контексте незнание выражается в форме косвенного «указания на невозможность обладания информацией» [5, с. 140]. Данное указание одновременно способно передавать некоторое раздражение (*Откуда я знаю?* = *Я не знаю. Оставьте меня в покое*):

(16) – *А что у тебя получается? Что ты хочешь?*

– *Откуда я знаю? Я себя еще не нашла* (В. С. Токарева «Инструктор по плаванию»).

Ответ вопросом может быть обусловлен общностью опыта инициатора и адресата. В следующем контексте в ответной реплике вопросительная часть представляет собой ретроспективную отсылку: *Ты его у меня*

встретил раз, помнишь? = *Если ты помнишь, ты его у меня как-то встретил.* Отсылка не содержит достаточно предметно-фактуальной информации, интересующей спрашивающего – нарушает максимум количества принципа кооперации П. Грайса. В свою очередь, утвердительная часть ответной реплики содержит эмоционально-оценочную информацию (*Добрый мальи́й* – позитивная оценка лица):

(17) – *Кто это?* – спросил Левин.

– *Ты его у меня встретил раз, помнишь?* *Добрый мальи́й* (Л. Н. Толстой «Анна Каренина»).

Таким образом, вопросительные конструкции, используемые в качестве ответных реплик, обладают манипулятивным потенциалом и способностью выступать средством психологической защиты. И прямые, и косвенные ответные конструкции могут быть детерминированы незнанием ответа на инициирующий вопрос, нетактичностью данного вопроса, установкой адресата на контакт. Прямые ответные конструкции могут быть также обусловлены непониманием или его симулированием (одна из форм психологической защиты), стремлением адресата к ситуативному лидерству, физиологическими особенностями адресата. Косвенные ответные конструкции могут быть вызваны неверием инициатора, несогласием с ним, избыточностью инициирующего вопроса, знанием ответа на него, общностью опыта инициатора и адресата. Реализация факторов, влияющих на использование косвенных ответных конструкций, имеет тенденцию сопровождаться вербальным и/или невербальным выражением эмоциональной реакции. По сравнению с прямыми ответными конструкциями косвенные конструкции являются более эмоционально-экспрессивными.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Козловская, Л. А.* Фатическая функция языка: социолингвистический и структурно-грамматический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Л. А. Козловская. – Минск : БГУ, 1993. – 23 с.
2. *Осипова, А. А.* Манипуляции в общении: умей сказать «нет!» / А. А. Осипова. – Ростов н/Д : Феникс, 2005. – 220 с.
3. *Серль, Дж. Р.* косвенные речевые акты / Дж. Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1986. – Вып. 17: Теория речевых актов. – С. 195–222.
4. *Апресян, Ю. Д.* Прагматическая информация для толкового словаря / Ю. Д. Апресян // Прагматика и проблемы интенциональности: сб. науч. тр. – М. : МГУ, 1988. – С. 7–44.
5. *Сивенкова, М. А.* Ретроспективные реакции на условия успешности речевых актов в диалоге / М. А. Сивенкова // Коммуникация. Дискурс. Текст: сб. науч. ст. / отв. ред. Т. В. Поплавская. – Минск : МГЛУ, 2005. – С. 136–141.

The article deals with interrogative constructions fulfilling the function of the addressee's answers to initiating questions in Russian communicative contexts. The addressee's interrogative constructions have manipulative potential and the ability to act as a means of psychological protection. In the paper, direct and indirect representation of the addressee's interrogative constructions is analyzed. It is concluded that both the addressee's direct and indirect interrogative constructions can be determined by ignoring the answer to the initiating question, the tactlessness of the initiating question, and the recipient's contact orientation. However, the addressee's indirect interrogative constructions are more emotional and expressive than direct ones.

Поступила в редакцию 06.02.2020

Т. П. Ключенович

ЭКСПЛИКАЦИЯ РЕЧЕВОГО/НЕРЕЧЕВОГО ДЕЙСТВИЯ В БЕЛОРУССКОЙ И БРИТАНСКОЙ РЕМАРКЕ

Данное исследование имеет своей целью выявление тенденций к экспликации речевого/неречевого действия в белорусской и британской ремарке в конструкциях с чужой речью. Речеводные глаголы систематизированы в соответствии с их текстуальным и лексикографическим речевым/неречевым значением на три основных блока (речевые, неречевые, глаголы с неосновным значением речи) и два основных типа (с речевым текстуальным и неречевым текстуальным значением). По результатам анализа установлены основные этнолингвистические тенденции употребления речеводных глаголов, относящихся к выделенным блокам и типам. На основании полученных данных формулируется вывод о тенденции к экспликации неречевого действия в белорусской ремарке и речевого – в британской.

На этапе лексико-семантического анализа авторской ремарки в первую очередь значимым представляется рассмотрение ядерного компонента ремарки в конструкциях с ЧР, а именно речеводного глагола. В процессе анализа эмпирического материала в произведениях белорусской и британской художественной прозы всего исследовано 5 202 и 4 385 речеводных глаголов соответственно. Данная статья имеет целью решение следующих задач:

- систематизировать речеводные глаголы в соответствии с их текстуальным и лексикографическим речевым/неречевым значением;
- выявить тенденции к экспликации речевого/неречевого действия в белорусской и британской ремарке.

В результате анализа текстового материала было установлено, что в современных белорусских и британских ремарках используются глаголы как с речевым, так и с неречевым значением. При этом мы различаем лексикографическое и текстуальное значения глаголов и выделяем три основных блока глаголов, вводящих ЧР:

- 1) речевые глаголы, у которых первичное лексикографическое значение и текстуальное значение являются речевыми;